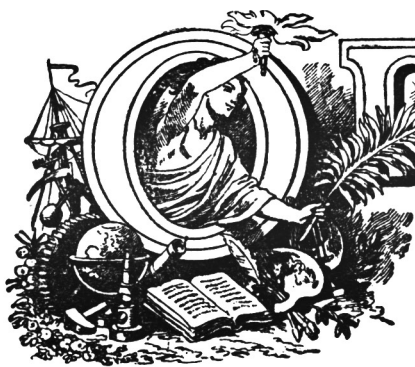

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 18

Суббота, 17 (30) мая 1903 г.

№ 18

Домики Петра Великаго.

Петербургъ на первыхъ порахъ состоялъ изъ мазанковыхъ домиковъ. Домикъ Петра Великаго былъ первымъ деревяннымъ зданіемъ, которое соорудилъ Петръ для себя. Какъ извѣстно, въ немъ только двѣ комнаты и кухня. Одна служила Петру кабинетомъ для занятій государственными дѣлами, а другая — спальней и столовой. Роскошь состояла въ томъ, что ставни были расписаны цвѣтами и плодами, а на дверяхъ изображена была перспектива. Стулья и рамы въ домикѣ Петръ нашелъ время сдѣлать собственными руками.

Лѣтній дворецъ, сохранившійся тоже до нашего времени, былъ построенъ въ 1711 г. До тѣхъ поръ городъ стоялъ только на Петербургской сторонѣ. Лѣтній дворецъ былъ, разумеется, роскошнѣе „домика“. Двери были дубовыя и изъ орховаго дерева съ рѣзными украшеніями, большинство которыхъ тоже было сдѣлано руками Петра. Орховый шкафъ въ Лѣтнемъ дворцѣ — тоже работы Петра. Стѣны дворца были оштукатурены и расписаны, кухня выложена изразцовыми плитками. При Лѣтнемъ дворцѣ былъ погребъ, ледникъ и оранжерея.

Садъ при Лѣтнемъ дворцѣ былъ открытъ для ассамблей, т. е. для обществѣнныхъ увеселеній по торжественнымъ днямъ. Жители доажны были переѣзжать на лодкахъ черезъ Неву, — и государь встрѣчалъ каждого кубкомъ. Надо было выпить. Длинные аллеи сада были украшены оловянными и свинцовыми статуями, изображавшими басни Эзопа, и самого горбатого Эзопа. Езоповыхъ фигуръ было около шестидесяти, изъ нихъ были фонтаны. Фигуры были вызолочены. Такъ какъ предполагалось, что многіе петербуржцамъ неизвѣстны Езо-

повы басни, то у каждой было приказано вбить столбъ и на немъ на жестіе написать содержаніе басни и толкованіе ея. Лѣтній садъ былъ разбитъ шведскимъ садовникомъ Шредеромъ.

Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь

ліонной улицей. Въ 1726 году зимній домъ былъ передѣланъ.

На мѣстѣ же нынѣшняго Зимняго дворца стояли при Петрѣ два дома генералъ-адмирала гр. Апраксина и такъ называемыя Кикины палаты. Первый домъ былъ въ два яруса, по

8 оконъ въ каждомъ. Надъ входной дверью нижняго этажа, въ верхнемъ, былъ балконъ. Кикины палаты состояли всего изъ одного яруса съ шестью большими окнами. Посрединѣ была парадная дверь и широкая лѣстница въ 8 ступеней съ перилами. На самой крышѣ стояла башенка съ окнами вродѣ старинной смотрѣльни.

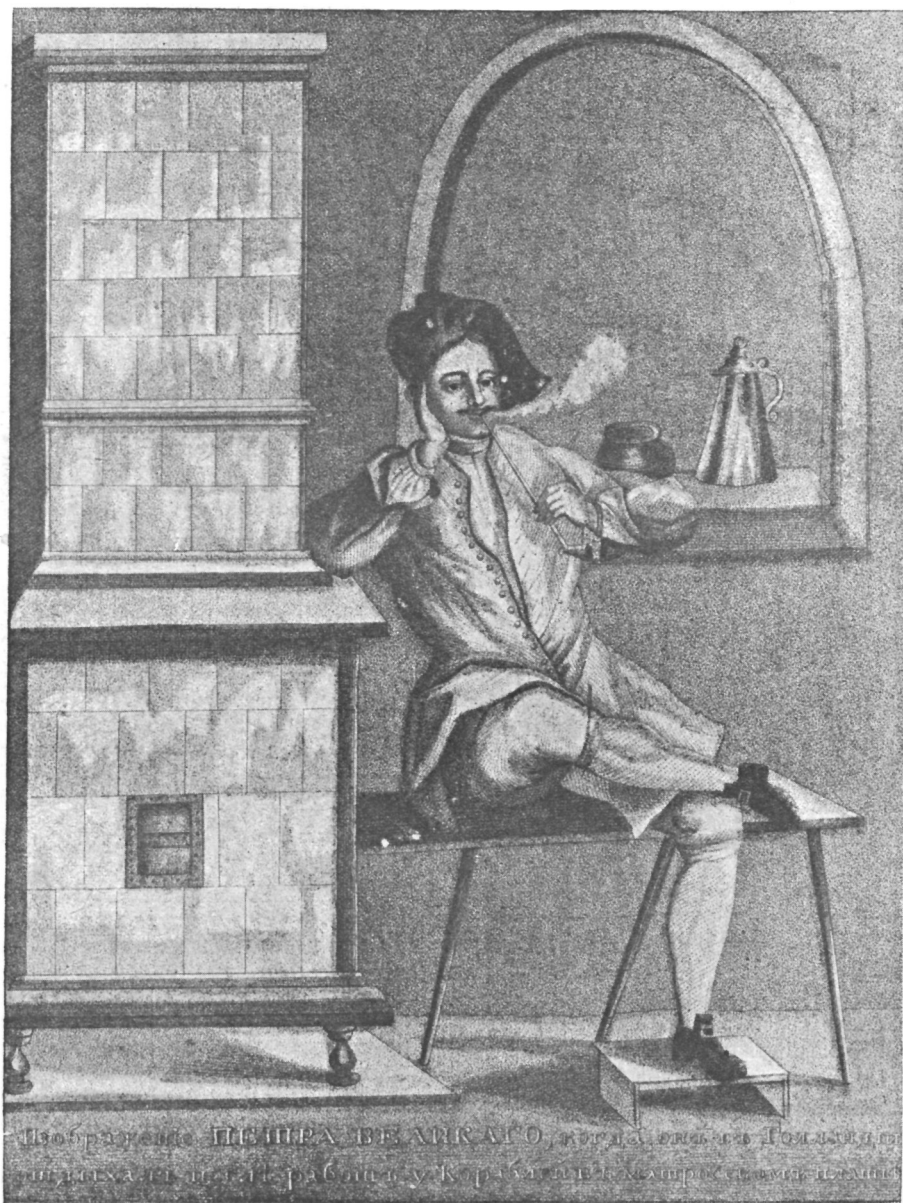
Для разныхъ придворныхъ надобностей и для храненія съѣстныхъ припасовъ, въ 1711 г., на лѣвомъ берегу Фонтанки, противъ Лѣтняго дворца, былъ построенъ запасный дворецъ. Онъ былъ деревянный, одноэтажный.

На Воскресенскомъ проспектѣ стоялъ дворецъ царевны Натальи Алексѣевны, сестры Петра Великаго, которую онъ очень любилъ. Домъ былъ невеликъ, но все же въ нижнемъ ярусѣ его было 16 оконъ. Второй и третій ярусы имѣли всего по 6 оконъ. Внутри дворца находилась церковь Воскресенія Христова. Царевна сама устроила богатыню въ собственномъ своемъ дворцѣ и жила вмѣстѣ со старыми женщинами, которыхъ она призрѣвала.

Вообще архитектура самыхъ богатыхъ домовъ въ Петербургѣ была очень незатѣйлива, въ особенностяхъ на первыхъ порахъ. Домъ царевича Алексѣя Петровича, стоявшій тамъ,

гдѣ теперь гофъ-интендантскіе магазины, былъ всего въ 12 оконъ, съ параднымъ подъѣздомъ посрединѣ и съ двумя столбами по сторонамъ вродѣ фонарей. Во второмъ ярусѣ было всего три окна.

На Выборгской сторонѣ, возлѣ дубовой рощицы, которую насадилъ самъ Петръ, былъ

Царь-работникъ.

(Въ костюмѣ голландскаго матресса).

Со старинной гравюры, авторства „Биржевыхъ Вѣдомостей“

придворный театръ, стоялъ старый Зимній дворецъ, близъ Зимней канавки, проведенной изъ Большой Невы въ Мойку. Сначала онъ былъ тоже не больше Лѣтняго дворца, и въ немъ лѣтъ десять жилъ Петръ съ Екатериной, а въ 1721 г. дворецъ былъ разобранъ и, вмѣсто него, построенъ новый, въ уровень съ Мил-

построена тоже в 1811 г. маленький Приморский дворец или Дубки.

Екатерингофский дворец, переданный впоследствии, но все же сохраняющий на себе яркий отпечаток того времени, существует поныне. Близъ мѣста, гдѣ одержана была в 1703 г. драгунами побѣда надъ шведскимъ флотомъ, воздвигнутъ былъ деревянный двухэтажный дворецъ и, вслѣдствіе близости его къ бастию, съ которой Петръ смотрѣлъ на приходящіе иностранные корабли, получилъ названіе Подзорнаго. Въ Екатерингофскомъ дворцѣ до сихъ поръ показываютъ кровать изъ соснового дерева, безъ украшеній, съ шелковымъ одѣяломъ и съ нашитыми на немъ золотыми гербами, — повидимому, чрезвычайно неудобнымъ для того, чтобы имъ покрываться. Эту кровать сработалъ самъ Петръ. Спальня, въ которой стоитъ кровать, необыкновенно маленькая. Въ этой же спальнѣ, кромѣ государя и государыни, почивали еще денщики. Даже „удобство“, находящееся

сѣдѣи—Монплезиръ и Марли. Изъ Монплезира ясно былъ виденъ Кронштадтъ. Тамъ же висѣли любимыя картины Петра Великаго, которыя онъ покупалъ въ Амстердамѣ на аукціонахъ, посѣщая ихъ вмѣстѣ съ обыкновенными маклаками и любителями.

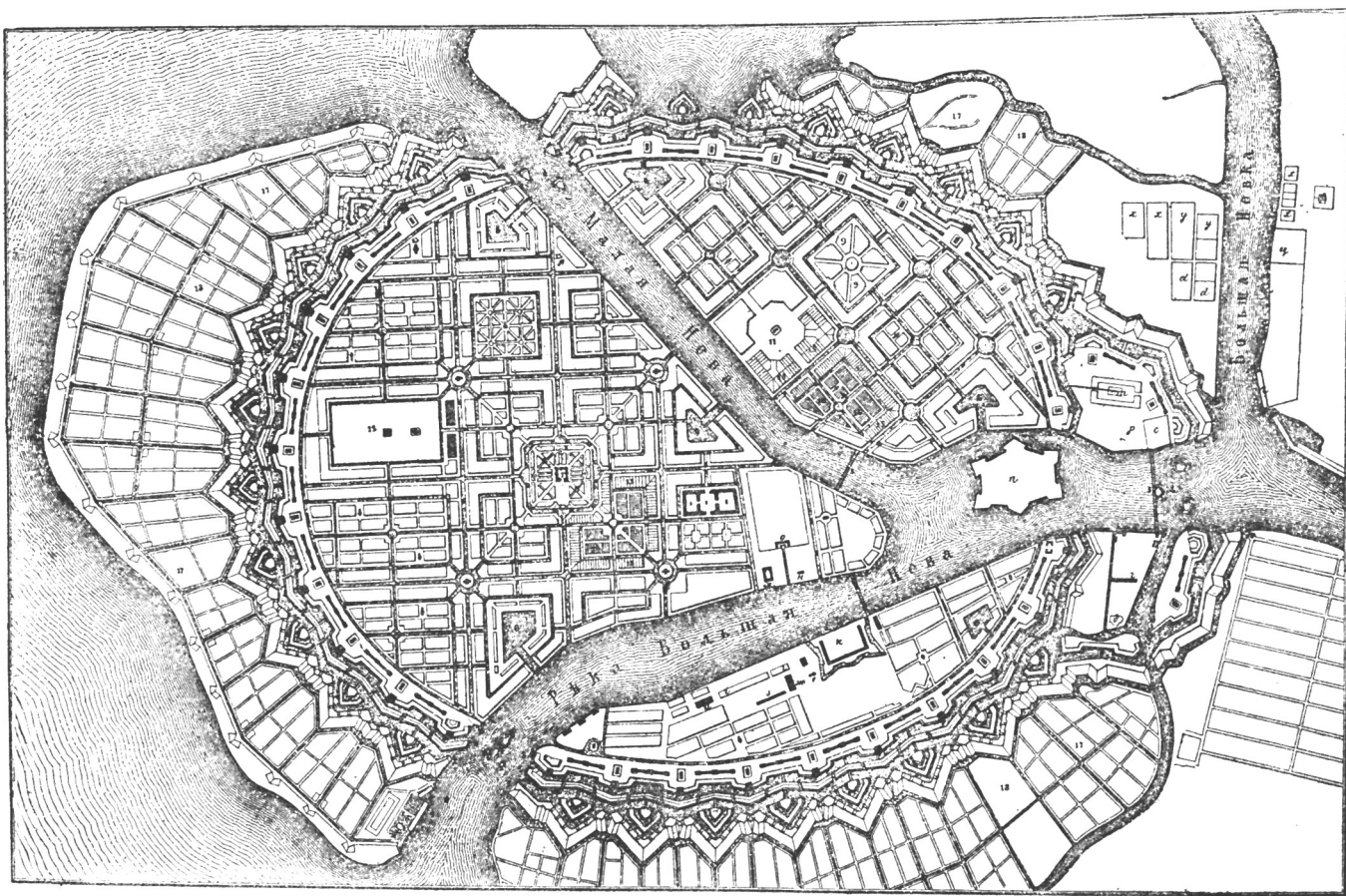
Въ 1722 г. въ Стрѣльнѣ Петръ опять построилъ для себя маленький дворецъ непременно деревянный. Недалеко отъ оранжереи этого дворца растеть огромная липа. Ей уже нѣсколько сотъ лѣтъ. При Петрѣ I на ней построена была бесѣдка. Петръ взбирался на самый верхъ, пилъ чай въ бесѣдкѣ и смотрѣлъ на море.

Существовалъ еще домикъ Петра Великаго въ деревнѣ Ольховой, близъ Петергофа. Когда рыли петергофскій каналъ, Петръ жилъ въ этомъ домикѣ, чтобы надсматривать за работами, потому что Петръ въ совершенствѣ зналъ строительное, инженерное и всякое другое дѣло. Конечно, онъ не отличался европейской воспитанностью, но это былъ одинъ

Всѣ свободныя земли Петръ раздалъ своимъ вельможамъ. Такимъ образомъ, острова попали въ разныя руки. Но Петровскій островъ названъ такъ потому, что онъ принадлежалъ лично Петру. На немъ, разумѣется, тоже воздвигнутъ былъ маленький деревянный дворецъ, впоследствии за ветхостью разобранный. Крестовскій островъ принадлежалъ царевичу Натальѣ Алексѣевичу и на немъ стояла деревянная двухэтажная дача. Она была крошечная, въ каждомъ этажѣ было всего по 4 окна. Скорѣе, это была избушка.

Еще былъ Ижорскій дворецъ. Онъ стоялъ на берегу Невы, при устьѣ Ижоры. Въ немъ останавливался Петръ, когда ѣздилъ въ Шлиссельбургъ. По преданію, онъ былъ построенъ изъ остатковъ королевскаго дворца, который стоялъ въ Шлиссельбургѣ и былъ разобранъ. Въ каждомъ ярусѣ было всего по 6 оконъ, а во флигеляхъ съ высокими шпильцами вродѣ колоколенъ было по 3 окна.

У теперешняго фарфороваго завода, близъ

Генеральный чертежъ С-Петербурга, исполненный Леблонсомъ въ январѣ 1717 года.

(Изъ изданія „Невскій Проспектъ“ А. Вильборга).

еся въ непосредственной близости со спальней, обито краснымъ сукномъ руками самого Петра.

Два небольшихъ домика, одинъ въ 15 сажень, другой въ 14, шириною всего въ 3 сажени, были построены близъ Екатерингофа для царевнѣ Анны Петровны и Елисаветы Петровны. Скромность вообще была поразительная. Только побывавши во Франціи и насмотрѣвшись на великолѣпные дворцы съ парками и драгоцѣнными фонтанами, Петръ на рѣкѣ Стрѣлкѣ, впадающей въ Финскій заливъ, воздвигъ, наконецъ, каменный двухэтажный дворецъ, длиною въ 44, а шириною въ 6 сажень. Это былъ Стрѣльнинскій дворецъ.

Но вскорѣ ему понравился Петергофъ. Стрѣльня была подарена Елизаветѣ Петровнѣ, а Леблонъ построилъ въ Петергофѣ, на горѣ, на взморьѣ, дворецъ и, кромѣ того, бе-

изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени и великій практикъ.

На берегу Фонтанки, на мѣстѣ теперешняго Екатерининскаго института, стоялъ Итальянскій дворецъ. Онъ былъ каменный и построенъ по образцу итальянскихъ увеселительныхъ казино. Отсюда сохранилось названіе Итальянской улицы, простирающейся съ одной стороны отъ Фонтанки до Екатерининскаго канала и отъ Институтскаго сада до Лиговки. Эта вторая часть Итальянской улицы, — Малая, недавно переименована въ улицу Жуковскаго. Въ Итальянскомъ дворцѣ собиралась публика, а въ обширномъ саду, который прилегалъ къ нему, устраивались гулянья. Уже при Павлѣ I Итальянскій дворецъ былъ переданъ сначала въ военно-сиротскій институтъ, а затѣмъ въ „Екатерининскій институтъ для воспитанія бѣдныхъ и сирыхъ дворянскихъ дѣвицъ“.

Мурзинки, былъ другой дворецъ—царевнича Алексѣя Петровича. Въ первомъ этажѣ было 10 оконъ, во второмъ—4, въ третьемъ—3. Весь дворецъ былъ не деревянный и не каменный, а мазиковый.

Нынѣшній домъ Академіи наукъ на Васильевскомъ островѣ былъ предназначенъ для царицы Прасковьи Федоровны—супруги царя Іоанна Алексѣевича. Академія перешла въ этотъ домъ уже въ 1725 г., а раньше собиралась въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ, рядомъ съ домомъ кн. Гагарина, служившаго сибирскимъ губернаторомъ. Въ его отсутствіе въ его домѣ помѣщался св. синодъ.

Въ Кронштадтѣ существовалъ каменный итальянскій дворецъ Петра Великаго еще во времена Екатерины II, близъ толстаго, высокаго дуба, въ которомъ былъ выдолбленъ шкафчикъ, а въ шкафчикѣ стояли бутылка и

стаканъ съ прохладительными напитками для Петра.

Другой домикъ Петра Великаго, въ три окна на улицу и изъ семи маленькихъ покоевъ, до сихъ поръ сохраняется въ Кронштадтѣ. Онъ раздѣленъ былъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ Петръ, а въ другой князь Меншиковъ. На дворѣ, во флигелѣ, жили свитскіе генералы.

Кромѣ этихъ домовъ, въ Россіи было еще нѣсколько домиковъ Петра Великаго. Такъ, въ селѣ Дубнѣ—маленькій деревянный, на плитномъ фундаментѣ. Въ немъ хранится одинъ изъ богиковъ Петра Великаго, на которомъ онъ плавалъ по Ладожскому каналу. Домикъ Петра I до 40-хъ годовъ сохранялся въ Валуйкахъ. Въ слободкѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, Петръ останавливался, когда шелъ на Полтаву. Гр. Шереметевъ нарочно построилъ для пребыванія Государя особый домикъ. Въ верхнемъ этажѣ этого домика теперь помѣщается архивъ Шереметевыхъ, и онъ окруженъ семью чугунными пушками и однимъ фальконетомъ—трофеями, взятыми подъ Полтавой. Въ самой Полтавѣ также долгое время оберегали домикъ, въ которомъ Петръ Великій поселился послѣ Полтавской битвы. Но въ началѣ XIX вѣка онъ былъ сломанъ и на мѣстѣ его воздвигнутъ пирамидальный каменный столбъ съ надписью: „Здѣсь Петръ Великій поконился послѣ трдцати своихъ 1709 г., июня 27-го. Благоговѣй: мѣсто свято есть“.

Максимъ Бѣлинскій.

Какъ устроивался Петербургъ.

Богатырь его построилъ,
Тонь костями забутилъ...

Основаніе Петербурга Карамзинъ, какъ извѣстно, называетъ гениальною ошибкою Петра. Историки, непосредственно слѣдовавшіе за нимъ, относились столь же критически и къ способу застроенія Петербурга земскимъ нарядомъ, т. е. нарядомъ людей, насильно собранныхъ съ различныхъ пунктовъ государства. Трудлюбивый исторіографъ Петербурга XVIII ст.,—П. Н. Петровъ, несогласенъ съ этими историками и беретъ земскіе наряды при Петрѣ подъ свою защиту. „...Порицатели Петра I,—говоритъ онъ—въ самомъ фактѣ выставки людей въ Азовъ и въ Петербургъ, видятъ личный произволъ Преобразователя, по ихъ мнѣнію, не останавливавшагося ни передъ какою тяжестью для народа мѣрою, при выполненіи своихъ обширѣйшихъ плановъ. Но мѣра, принятая Петромъ, соответствовала исконному обычаю, съ той разницей, что при прежнихъ царяхъ годные со всего государства люди созывались на сроки для выполнения работъ не государственныхъ, а просто дворцовыхъ; Преобразователь же Россіи требовалъ людей и жертвъ не для „выполненія причудъ дворцовой роскоши“ (какъ выражается Петровъ), а на дѣло государственной необходимости,—каковымъ онъ считалъ и основаніе Петербурга“.

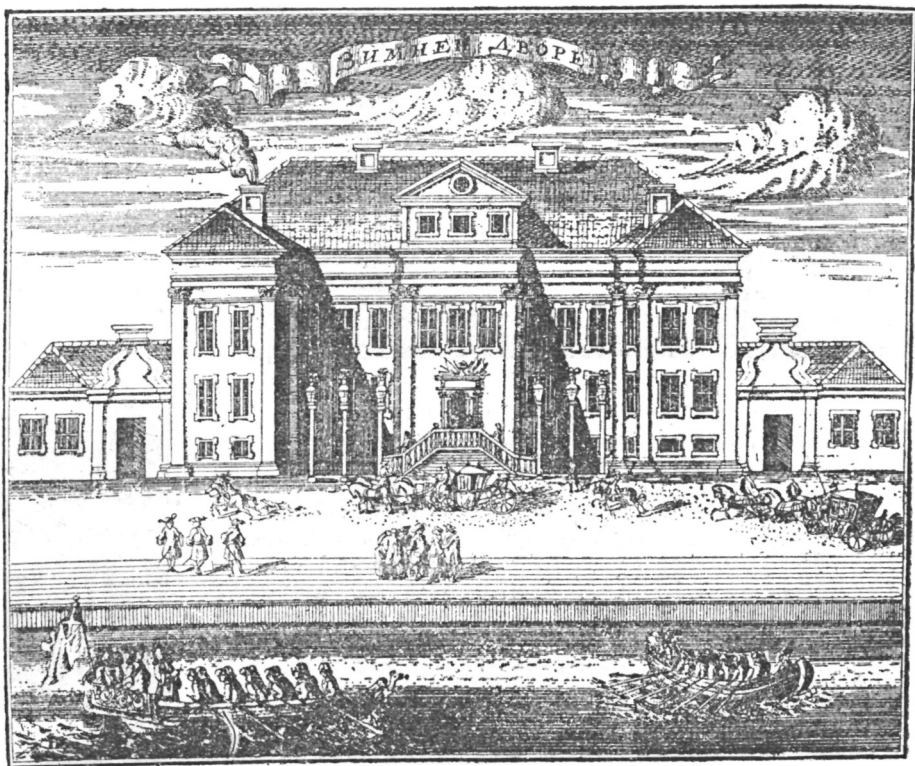
Въ первый годъ основанія Петербурга, на возведеніи земляныхъ валовъ Петропавловской крѣпости работали плѣнные шведы и ближніе жители; кромѣ того, взята была часть рабочихъ изъ Шлиссельбурга (гдѣ въ то время производились поправки разрушеній, сдѣланныхъ при штурмѣ). Но уже на 1704 и на 1705 гг. вызвано было по 40,000 человѣкъ. Это повторяется и дальше, а въ нарядѣ на 1710 г. (отъ 31-го декабря 1709 г.) указано, что эти 40,000 человѣкъ раздѣляются на двѣ перемены по 20,000, изъ которыхъ каждой быть у дѣла:

первой—„февраля съ 1-го мая по 1-е число“, а второй—„іюля съ 1-го числа октября по 1-е число“. Въ числѣ этихъ людей требовалось выслать 4,000 человѣкъ плотниковъ, а сверхъ того каменщиковъ и кирпичниковъ, „противъ того-жъ (т. е. столько же), какъ наряжены были изъ Помѣстнаго приказу въ прошломъ году“. Хлѣба и запаса предписывалось тѣмъ „работнымъ людямъ“ брать съ собою въ дорогу „чѣмъ мочно сытнымъ быть до указнаго мѣста и до Санктпетербурга“. На покупку хлѣба имъ собрать съ „оставшихъ дворовъ“ (т. е. тѣхъ, которые не выставили работника) 100,000 рублей. Здѣсь же, въ Петербургѣ, общается „хлѣбное жалованье и денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ каждому работнику“ (Полное собран. закон. т. IV, № 2240). Сборъ съ каждаго крестьянскаго двора впоследствии доходилъ до 8 и 11 рублей и одинъ работникъ выставлялся уже не съ 35 дворовъ,

часть рабочихъ всетаки разбѣгалась въ деревнѣ, другая часть умирала, и въ Петербургѣ всегда числилась недоминка людей по земскому наряду.

Какъ же, однако, жило въ Петербургѣ тѣмъ, которые прибывали въ исправности на мѣсто? Чѣмъ была въ то время мѣстность Петербурга, — достаточно извѣстно. Судить объ этомъ можно по болотамъ, окружающимъ столицу и теперь. Но въ то время болота и топи были здѣсь непроходимыя; непроходимы были и лѣса. Сырость, мгла, дожди, наводненія, болотные мѣзмы одолевали людей въ такой степени, о какой современный петербуржецъ, вѣчно жалуемый на свой климатъ, не имѣетъ и понятія.

„Рабочіе со всѣхъ концовъ Россіи,—говоритъ Пекарскій,—приходили въ Петербургъ, непривычныя къ тяжелымъ землянымъ работамъ. При томъ же у первыхъ изъ нихъ на

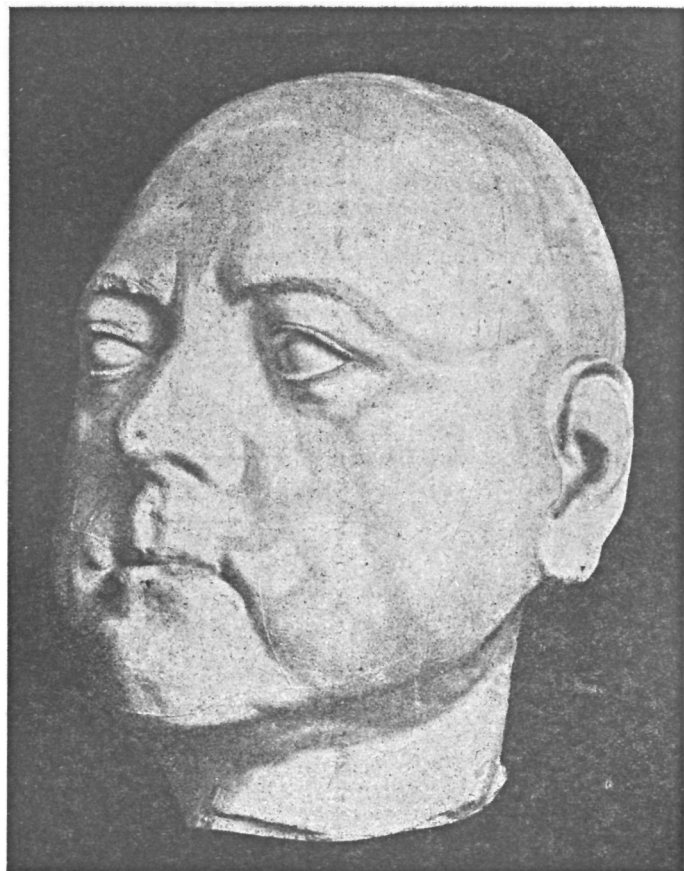
Зимній дворецъ Петра Великаго.

Съ гравюры 1716 года.

какъ раньше, а съ каждаго 11 двора (Полн. собр. закон., т. IV, № 2284, т. V, № 3124). По приблизительному расчету, только съ 1712 по 1716 г. выслано было на работы въ Петербургъ до 150,000 человѣкъ и собрано деньгами болѣе милліона рублей. Какимъ же образомъ выбирались рабочіе, какъ они доставлялись въ Петербургъ и всѣ-ли они являлись на мѣсто? Выборъ возлагался на отвѣтственность губернаторовъ, которые должны были наблюдать, чтобы въ рабочіе не высылались дряхлые, малолѣтніе и больные, и чтобы, вообще, при отправкѣ „неправдъ и коварствъ и негодныхъ не было“ (Городскія поселенія въ Россійской Имперіи, т. VII, изд. 1864 г. Историческія свѣдѣнія о Петербургѣ стр. XXIII). Едва-ли, однако, можно думать, принимая во вниманіе условія того времени, чтобы выборъ работниковъ для Петербурга обходился тогда безъ „неправдъ и коварства“, т. е., чтобы сильные не замѣнялись слабыми, и богатые—бѣдными. Надзоръ за отправляемыми партіями поручался „добрымъ отставнымъ дворянамъ“ съ помощью избранныхъ изъ крестьянъ приказчиковъ. Кромѣ того, рабочихъ обязывали круговою порукою, т. е. возлагали на нихъ отвѣтственность за бѣглецовъ (тамъ-же стр. XXIII). Но, несмотря на всѣ эти мѣры, значительная

было ни лопать, ни заступовъ, ни досокъ, ни тачекъ. При возведеніи первоначальныхъ земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея по близости не находилось: кругомъ были только болотистыя и низкія мѣста, покрытыя тиной и мхомъ. Тогда, по свидѣтельству очевидца, стали таскать къ бастионамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ или даже просто въ полахъ платья“. Послѣ цѣлаго дня такой тяжелой работы предстоялъ отдыхъ на сырой землѣ, или въ наскоро сколоченномъ шалашѣ. При всемъ томъ и питаніе рабочихъ было самое скудное. Пекарскій, на основаніи разсказовъ, оставленныхъ нѣсколькими иностранцами-очевидцами, сообщаетъ на этотъ счетъ слѣдующее:

„За первые десять лѣтъ существованія Петербурга, тамъ невозможно было почти ничего достать, кромѣ рѣпы, капусты и травы для домашняго скота, и то въ незначительномъ количествѣ. Коровъ, овецъ, свиней и т. п. прежде основанія города можно было купить за небольшой деньги, но, когда началъ строиться Петербургъ и сюда переселено было огромное количество народа, мѣстныя средства къ пропитанію скоро истощились, и бѣдняки въ Петербургѣ рѣшительно не знали, чѣмъ жить, довольствуясь капустой, рѣпой и

Типсовая маска Петра Великаго.

(Оригиналъ хранится въ Петровской галлерей, въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

почти вовсе не видя хлѣба. „Можно представить себѣ, каково, при такихъ условіяхъ, было существованіе бѣдныхъ людей. При малѣйшемъ замедленіи въ подвозѣ припасовъ (изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова) цѣны значительно возвышались и работнику съ его полтиной, (хотя и не очень маленькой по тому времени суммой) приходилось туго. Большая часть припасовъ доставлялась зимой саннымъ путемъ, за 200 и 300 миль. Хлѣбъ подвозился съ Ладоги и лѣтомъ, но когда подвозъ, его прекращался вслѣдствіи бури на озерѣ, то изсякали и запасы хлѣба, такъ что больше ничего не оставалось, какъ медленно умирать голодной смертью. Тѣхъ, кого обходила смерть отъ недоѣданія, подбира-

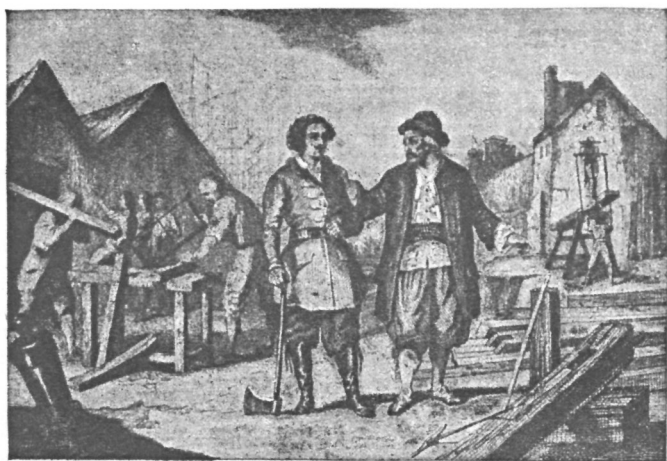
телей Петербурга. Когда почва, выравненная ихъ трудами, была готова для перенесенія сюда столицы, наступила очередь привилегированныхъ классовъ: крестьяне устраивали, помѣщикамъ приказано было строиться. Эта повинность была наложена на нихъ цѣлымъ рядомъ постановленій, изъ которыхъ первымъ былъ указъ 4 декабря 1713 г., а указами 1714 г.

ли тифъ и другія болѣзни, носившіяся въ сыромъ воздухѣ вмѣстѣ съ миазмами. Можно присоединить еще сюда наводненія и дикихъ звѣрей, какъ, напримеръ, волковъ, еще въ 1714 г. растерзавшихъ среди бѣла дня двухъ часовыхъ у литейнаго двора и одну женщину близъ дома Меньшикова (на Васильевскомъ островѣ). Чума, свирѣпствовавшая въ 1712—1713 году въ мѣстности нынѣшней Петербургской губерніи, истребила здѣсь большую часть жителей; замѣчательно, что, проникнувъ до Нарвы, она не коснулась Петербурга. Но переселенцы и безъ нея мерли, по свидѣтельству очевидцевъ—Вебера и Беркгольца, какъ мухи“...

Таково было житиѣ-бытѣ первыхъ устрои-

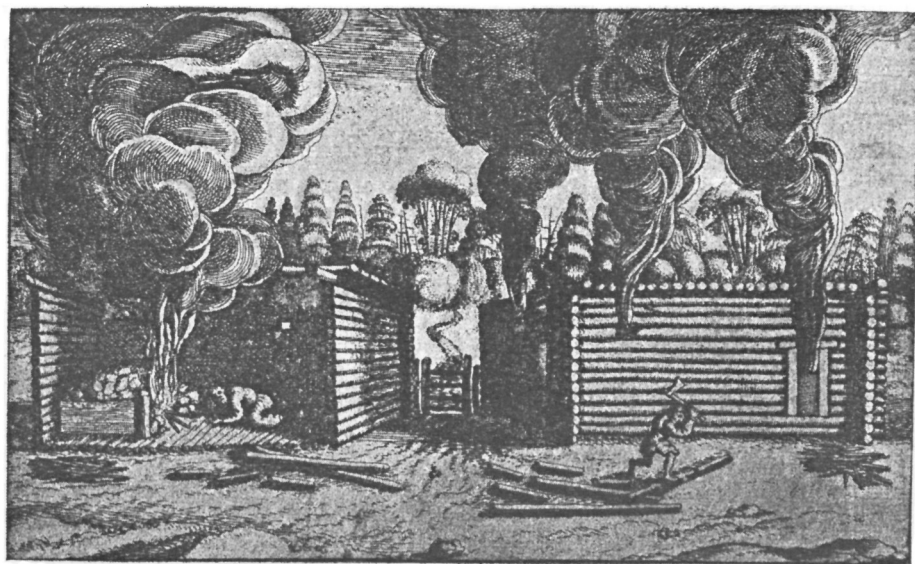
сѣльны подтвержденія и опредѣлены подробности. Выборъ помѣщиковъ производился, въ зависимости отъ ихъ состоятельности, мѣриломъ которой служило количество принадлежащихъ имъ крестьянскихъ дворовъ. Сообразно этому, помѣщики вносились въ списки, составленные по царской волѣ, въ помѣстномъ приказѣ. Съ утвержденіемъ списка Государемъ, лицо внесенное въ реестръ, получало заявленіе съ подпискою: явиться въ Петербургъ, или прислать за себя довѣреннаго; взять отведенный участокъ и на немъ построить, согласно росписанію, или, представить по оцѣнкѣ деньги и, по постройкѣ отъ казны, припять уже готовое строеніе въ собственность (Петровъ). Размѣры домовъ и матеріаловъ распределены были такъ: помѣщикамъ, имѣющимъ во владѣніи 700—1,000 крестьянскихъ дворовъ, строить дома каменные, не менѣе какъ на 10 саженяхъ; владѣльцамъ 500—700 дворовъ—на 8 саженяхъ, а владѣльцамъ 100—300 дворовъ позволялось ставить мазанки или деревянные дома размѣровъ, какихъ заблагоразсудится (Полн. собр. зак. V 3332, № 4405).

О томъ, какъ неохотно дворянами выполнялись царскіе указы, повелѣвавшие имъ жить и строиться въ Петербургѣ, видно изъ того, что они нѣсколько разъ энергично подтверждались. Затѣмъ имѣется на этотъ счетъ свидѣтельство иностранца Вебера. Онъ рассказываетъ (цитируемъ по статьѣ Пекарска-

Петръ Великій на верфи Остѣ-Индской компаніи въ Амстердамѣ.

Съ французской гравюры, автогипсъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

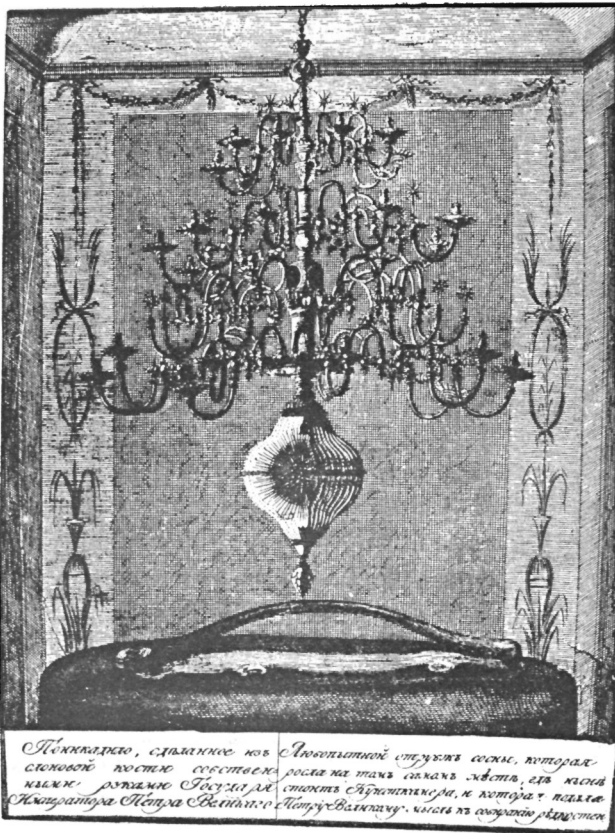

Постройка домовъ, для подлыхъ людей“. Со старинной гравюры, автогипсъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

го), что зимою 1716 года прибыло въ Петербургъ до двухъ сотъ дворянскихъ семействъ, чтобы поселиться здѣсь. Разумѣется, это было сдѣлано во исполненіе указовъ и съ великою неохотою: дворяне жаловались, что такое переселеніе лишило ихъ двухъ третей состоянія. Въ Петербургѣ имъ приходилось строить дома и за все платить чистыми деньгами, тогда какъ въ прочихъ краяхъ Россіи они могли бы получать припасы изъ своихъ деревень и тѣмъ существовать круглый годъ.

Помимо того, помѣщики, привыкшіе у себя дома къ „размашистому произволу“, т. е., попросту, къ разнузданному своевольству, не могли вынести порядковъ Петербурга, въ значительной степени все-таки европейскихъ. Въ силу этихъ причинъ, они и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы уклониться какъ отъ личнаго пребыванія на берегахъ Невы, такъ и отъ постройки здѣсь дома.

Иначе отнеслись къ своей долѣ крестьяне—строители Петербурга. Мы уже видѣли, какъ тяжела была ихъ жизнь. Несмотря на это, они—и взрослые, и дѣти умѣли,—какъ свидѣтельствуется тотъ же Веберъ,—съ изумитель-

Таникадило, изъ слоновой кости сдѣланное собственными руками Петра Великаго.

Съ современныхъ гравиръ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

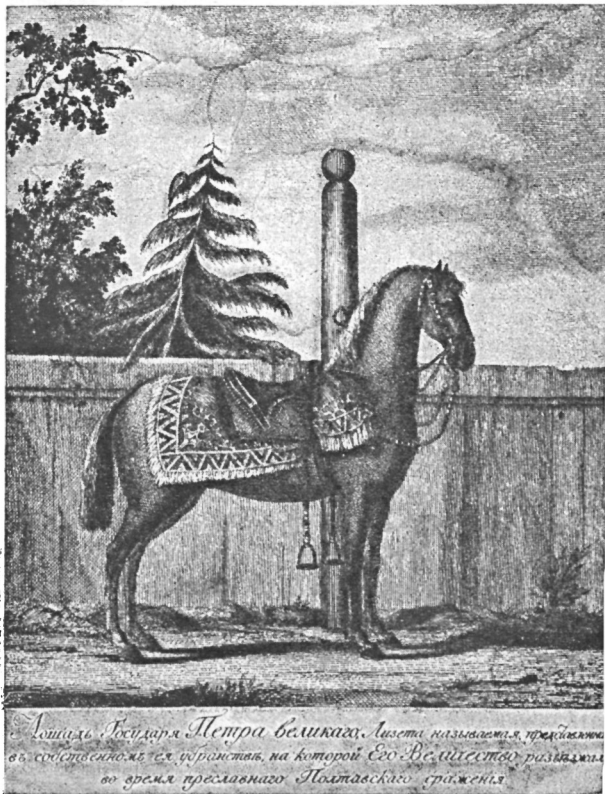
Дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ.

нимъ терпѣніемъ переносить всѣ бѣдствія, говоря только, что тягостная жизнь имъ не въ радость и лучше уже умереть. Готовность эту они доказывали на дѣлѣ. Когда кто-нибудь изъ находившихся на работахъ заболѣвалъ, то онъ ложился на землю, не заботясь „выздоровѣть-ли, умереть-ли, и не принимая ни-

какихъ медицинскихъ пособій“. Такое равнодушіе простого народа въ Россіи къ жизни поражаало иностранцевъ въ началѣ XVIII ст. точно такъ же, какъ насъ поражаетъ въ началѣ XX ст. равнодушіе къ жизни китайцевъ...

Крестьянъ, умирившихъ въ то время на работахъ въ крѣпости, тотчасъ тамъ же и зары-

вали. Приговариванія и причитанія были запрещены и, вообще, весь обрядъ былъ немногосложенъ: умершаго выставляли на видномъ мѣстѣ, зажигали восковую свѣчу и собирались прохожіе на погребеніе; а затѣмъ „завертывали тѣло въ рогожу, завязывали его кругомъ веревками, какъ мѣшокъ, и клали на по-

Лошадь Петра Великаго.

Со старинныхъ гравиръ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Собаки Петра Великаго.

силки, которые двое носильщиков на плечах относили к могиле" (Пекарский, Петербургская старина).

Обязательные наряды в Петербург стали постепенно сокращаться с 1717 г. (по представлению кн. Черкасского), а через два-три года были совершенно заменены наймом вольных рабочих через подрядчиков. Но за 15 лет ушло не мало воды в Неву, и полегло не мало народу на ее берегах. Одно сооружение петербургской крепости, по численностям современников, стоило 100,000 жизней (Пекарский). И сколько раз ни повторялось двуступие, приведенное в эпиграф, а оно невольно приходит на ум каждый раз, когда речь заходит о зачатии Петербурга. Да, богатырь-царь его построил и богатырь-народ забутил его своими костюми.

Д. Г.

Петербург по Петровским „Ведомостям“ 1703—1725 гг.

Сведения о завоеваниях, предшествовавших взятию шведского Ниеншанца (т. е. местности нынешней Охты), равно как и о закладке крепости (ныне Петропавловской), имеются и в „Юрналѣ“ о том, „что в милошешую осаду чинилось под крепостью Потенбургомъ“ (Шлиссельбург), и в „Поденной Запискѣ Петра В.“ Но первое известие из новоотстроенной крепости Петербург встречается лишь в „Петровских Ведомостях“, начавших, как известно, в год основания Петербурга, 1703-й, выходить в Москвѣ. В № 23 *) этих „Ведомостей“, вышедшем в июле, пишут „из новыя крепости Питербурга“ о деле генерала Чамберса, ходившем с четырьмя полками конных, да „с двумя пѣшихъ“ со шведского генерала Кронюрта, „которой со многими людьми и с тринадцатю пушками стоял на жестокой переправѣ“. По жестокомъ с обеих сторонъ огнѣ, наши войска овладѣли мостомъ и переправой, послѣ чего погнали неприятеля в лѣсъ и порубили съ тысячу человекъ, „въ которыхы многіе были велики знатные офицеры“, а многіе от тяжкихъ ранъ сами поумирали в лѣсу. „А нашихъ,—кратко добавляется в известіи,—побито 32 человекъ, да нѣсколько ранено“.

В настоящее время установлено, что представление Чамберса главнымъ лицомъ сдѣлано в этомъ сообщеніи с умысломъ, чтобы замаскировать участие Петра. На самомъ делѣ, онъ вел войска и подъ его начальствомъ одержана побѣда. Но какіе то стратегическіе виды требовали, вѣроятно, чтобы о присутствіи царя под Петербургомъ не знали и потому это было скрыто—ранній примѣръ того, какъ газета придаетъ сообщенію известную форму, сообразуясь съ обстоятельствами.

В № 26 отъ 19-го августа „подорожные изъ Нарвы“ возвѣщаютъ, что „Его Царское Величество недалеко отъ Шлотбурга при морѣ городъ и крепость строить велѣлъ, чтобъ вیره въ товары, которые къ Ригѣ, къ Нарвѣ и къ Шанцу приходили, тамо пристанище имѣли, такъ же бы (т. е. чтобы) персикіе и китайскіе товары, туда же приходили“.

Это сообщеніе, странное на первый взглядъ, какъ сдѣланное заднимъ числомъ, объясняется, однако, судя по его характеру, тѣмъ, что

хотѣли обратить вниманіе иноземнаго торговаго люда на придаваемое будущему городу торговое и портовое значеніе, помимо значенія военнаго. Слѣдовательно, строчки эти являются первымъ печатнымъ известіемъ, свидѣтельствующимъ о планахъ Петра В. касательно Петербурга.

В № 27 „Ведомостей“ отъ 7-го сентября встрѣчаемъ военныя известія, имѣющія близкое отношеніе къ Петербургу. Изъ Голывани извѣщаютъ, что „при Ямахъ (Ямбургъ) стоитъ великое московское войско и пушечный снарядъ, дабы Нарву осадить“, а грамотки изъ Шлотбурга, „что крепость Копорье между Шлотбургомъ и Ямами сдалась войску Его Царскаго Величества „и такимъ образомъ вся Ижера земля, кромѣ Ивана города, всему государству паки покорилась“.

Наконецъ, в № 29 „Ведомостей“, присланныхъ сентября въ 27 день, помѣщено черезъ 2 сѣмь мѣсяца послѣ перваго известія изъ отстроенной крепости Петербургъ известіе о самой ея закладкѣ. Известіе помѣщено не на видномъ мѣстѣ, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ концѣ и гласитъ:

„Его Царское Величество, по взятіи Шлотбурга въ одной милѣ отъуды ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло удобную крепость построить велѣлъ, въ ней же есть шесть бастіоновъ, гдѣ работали двадцать тысячъ человекъ подкопщиковъ, и тою крепостью на свое государственное имянованіе, прозваніемъ Питербургомъ, обновити указалъ“.

Слѣдовательно, передъ нами почти то же самое известіе, которое выше приведено со словъ „подорожныхъ изъ Нарвы“, но здѣсь сообщеніе имѣетъ весенній характеръ, на что указываетъ и выставленное число „подкопщиковъ“ (т. е. землекоповъ)—20,000. На самомъ делѣ, какъ указываетъ, напримѣръ, Петровъ, такого огромнаго количества людей въ то время на бастіонахъ быть не могло. Тогда на укрѣпленіи работали отчасти свои войска, затѣмъ и плѣнные шведы и жители окружающихъ дикихъ мѣстностей, и 20,000 человекъ (принимая во вниманіе, что свои войска всегда были въ значительномъ расходѣ по всѣмъ направлениямъ), никакъ здѣсь быть не могло. Впоследствии (съ 1706—1707 г.) на бастіонахъ дѣйствительно работало одновременно до 20,000 человекъ (при 40,000 въ годъ, наряжавшихся двумя сѣмьями), но это огромное количество выставилось изъ 35 пунктовъ средней Россіи.

Слѣдовательно, цифру 20,000 надо, очевидно, считать въ известной степени гиперболическою, скрывающею за собою опять таки какой нибудь стратегическій расчетъ.

Не будемъ смущаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что известіе исходитъ почему то изъ Риги и сообщается отъ 24 августа, т. е. черезъ три сѣмь-то мѣсяца послѣ закладки крепости и почти черезъ два послѣ ея освѣщенія. Все это было въ обычаяхъ тѣхъ временъ нашего первоначальнаго европеизма и первоначальной гласности.

Слѣдующее известіе—на этотъ разъ подробное и свѣжее—изъ Петербурга мы встрѣчаемъ в № 37 „Ведомостей“, составленномъ на Москвѣ въ 15-й день декабря. Въ известіи этомъ описывается радостный для всѣхъ приходъ въ новую гавань-крепость перваго голландскаго корабля.

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Санктпѣтербурху корабль галанской съ товары, съ питьями, и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣсколко матросовъ, и тотъ корабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышеупомянутому шиперу за столомъ въ дому

его губернаторскомъ пять сотъ золотыхъ, а матросамъ кон съ нимъ были по триста ефимковъ, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другихъ, естли потѣмъ другой корабль туда придетъ, и тому кто на томъ кораблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, также естли и третій корабль придетъ дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышеупомянутый корабль, отъ Санктпѣтербурха отпущенъ въ надлежащій ему путь со удовольствованіемъ, а товары всѣ которые на томъ кораблѣ были куплены повольною цѣною“.

Шкиперъ этого перваго иностраннаго корабля, пришедшаго въ Петербургъ, назывался, какъ известно изъ другихъ источниковъ, Янъ Гильбрандъ.

Этимъ исчерпываются известія Петровскихъ „Ведомостей“ о первомъ годѣ основанія Петербурга.

Затѣмъ съ 1704 г., въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, вплоть до 1719 г., въ „Ведомостяхъ“ попадаются скудныя известія изъ Петербурга, да и тѣ исключительно военнаго характера: объ осадѣ и взятіи Нарвы (1704), объ отбитіи отъ Петербурга шведскаго генерала Мейделя (1705) и въ томъ же году—о новой неудачной попыткѣ шведовъ овладѣть Котлиномъ и т. п. Оно, впрочемъ, и понятно: всѣ интересы Петра были тогда на югѣ.

Съ 1711 г. „Ведомости“ начинаютъ выходить съ винетками, изображающими Неву, Троицкій соборъ и крепость въ Петербургѣ (чередующься съ Москвой или одновременно), но известій о Петербургѣ въ нихъ все таки не прибавляется. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это объясняется впрочемъ тѣмъ, что они, какъ особенно торжественные, вызывали особую брошюры. Такъ, напримѣръ, въ 1711 г. Царь вернулся на время въ Петербургъ, и по этому поводу имѣется напечатанное тогда „изъясненіе (т. е. описаніе) фейерверка, которой по повелѣнію его Княжой милости (т. е. Меншикова) учиненъ на счастливое его царскаго величества въ Санктъ-Пѣтербургъ пришествіе, генваря въ 1 день Новаго года, нынѣшняго 1712 въ Санктъ-Пѣтербургѣ предъ полаты его Княжой Свѣтлости чрезъ подполковника Генникова“. А по поводу возвращенія Царя въ 1714 г. полнымъ побѣдителемъ существуетъ книжка подъ заглавіемъ: „Объявленіе нынѣшняго триумфальнаго входа, его царскаго величества въ Санктпѣтербургъ“, а также нѣсколько привѣтствій.

Что касается „Ведомостей“, то помѣщеніе въ нихъ болѣе или менѣе подробныхъ известій о Петербургѣ возобновляется лишь съ 1719 года, т. е. съ того времени, когда водворился миръ и новая столица, приведенная въ состояніе, удобное для жилья, могла начать правильную жизнь. Въ номерѣ отъ 16-го сентября 1719 г. помѣщено сообщеніе о спускѣ на воду фрегата „Руали“ и о предстоящемъ спускѣ яхты, при помощи механизма, придуманнаго Царемъ. Въ 1720 г. въ № отъ 10-го іюня описывается празднованіе дня рожденія Государя 30-го мая: утромъ—литургія въ церкви св. Ісаака Далматскаго (Исаакиевскій соборъ), затѣмъ принятіе поздравленій отъ вельможъ и пословъ, пушечная пальба (между прочимъ, и съ взятаго въ плѣнъ шведскаго фрегата), обѣдъ и вечеромъ—фейерверкъ. Гости разѣхались въ первомъ часу. Въ числѣ ихъ былъ польскій посолъ и присланный къ Царю шведскій генераль-адъютантъ. Въ этомъ же № сообщается о посѣщеніи польскимъ посломъ адмиралтейства (порядки котораго онъ очень хвалилъ, говоря, что такихъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ), о конференціи его съ русскими министрами и, наконецъ, о спускѣ на воду „Свернаго Орла“, послѣ чего здѣсь былъ балъ,

*) По нумераціи изданія московской синодальной типографіи.

съ котораго гости разѣхались въ 2 часа ночи.

Въ томъ же 1720 г. въ № отъ 17-го декабря помѣщено извѣстiе о страшной казни—о сожженiи богохульника и иконоборца крестьянина Шуйскаго уѣзда, Ивашки Красаго, котораго въ октябръ этого года въ Никольскихъ воротахъ, во время крестнаго хода, поносилъ словами и дѣйствiями образъ и Крестъ. „Въ распросѣ и съ розысковъ съ трехъ пытокъ и съ огня въ томъ ругательствѣ... внился“, но раскаянiя не обнаружилъ и отъ церкви отрекся.

Подъ 1721 г. (№ отъ 15-го февраля) сообщенiе о происшедшемъ наканунѣ 14-го юнiя (небывалая и невѣроятная быстрота печатанiя!), въ Троицкой церкви, послѣ литургiи, собранiи, на которомъ была „предика“ (т. е. проповѣдь) архiепископа псковскаго о новоучреждаемой коллегiи духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ—описанiе и самаго открытiя Коллеги Царемъ.

Любопытенъ и № отъ 28 мая 1723 г., въ которомъ описывается прiѣздъ въ Петербургъ „Шаха персидскаго полномочнаго посла Усмаила Бѣка“ (Измаиль-Бекъ). Была встрѣча (на водѣ), отдавались почести, салютовали. На прiемѣ посоль произнесъ по персидски рѣчь, въ которой сравнивалъ Петра со знаменитыми властителями своей страны и благость русскаго царя одобрялъ „книже“, т. е. (по разъясненiю, сдѣланному въ примѣчанiи къ статьѣ) „философскому камню, который когда приложенъ будетъ къ серебру и мѣди, или другой подобной тому вещи, то въ золото обращается“.

Этимъ мы закончимъ нашу „реликвiю“ о Петербургѣ въ Петровскихъ „Вѣдомостяхъ“. Съ кончиной Петра В., года черезъ два, прекращается вызванное имъ къ жизни изданiе, и дальнѣйшихъ извѣстiй о Петербургѣ нужно искать уже въ официальномъ его, академическомъ органѣ—„С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

Д. Г.

Двѣ Лизетты, Тиранъ и Попугай.

(Къ рис. на стр. 141).

Въ рѣдчайшей книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго“ (СПб. 1800—I—II) мы нашли занимательные рассказы о двухъ Лизеттахъ, игравшихъ вѣкоторую роль въ жизни Петра Великаго. Одна маленькая Лизетта, другая — большая.

Маленькая Лизетта была сучка англiйской породы, длиною около аршина, а вышиною въ восемь вершковъ. Вся она была рыжая, съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу. На шеѣ у ней былъ надѣтъ темнозеленый бархатный ошейникъ съ мѣднымъ позолоченнымъ обручкомъ, на которомъ самъ Петръ сдѣлалъ надпись: „За вѣрность не умираю“. Лизетта никогда не отставала отъ Петра. Она лежала въ его кабинетѣ на софѣ до самаго его возвращенiя. Едва онъ входилъ, какъ она ласкалась къ нему, прыгала вокругъ него, увивалась, какъ сумасшедшая. Онъ садился, она ложилась противъ него и въ постели всегда лежала у его ногъ. Однажды какой-то придворный впалъ въ немилость Петра. Императоръ страшно разсердился и приказалъ посадить его въ крѣпость. Онъ грозилъ примѣрнымъ наказанiемъ, а ужъ извѣстно, какiя „примѣрныя наказанiя“ были у Петра. Придворный, между тѣмъ, пользовался расположенiемъ всего

двора и самой царицы. Мало-по-малу дворецъ ослѣдился и, когда царь успокоился, сталъ просить о помилованiи. Но царь совсѣмъ вышелъ изъ себя и запретилъ даже говорить объ арестантѣ. Казалось, что ужъ нѣтъ никакого спасенiя для несчастнаго, потому что даже сама Катенька боялась замолвить слово передъ Петромъ. Утромъ Петръ, по обыкновенiю, поѣхалъ въ адмиралтейство и въ сенатъ. Оттуда онъ возвращался въ полдень домой. Екатерина Алексѣевна пришло въ голову написать коротенькую челобитную и заткнуть ее за ошейникъ Лизеттѣ такъ, чтобы при первомъ взглядѣ можно было увидѣть бумагу. А въ челобитной Лизетта отъ себя указывала на свою безкорыстную службу и вѣрность и просила пощадить, что осужденный невиненъ, и ходатайствовала о томъ, чтобы дѣло его было вновь разсмотрѣно. Лизетта, завидѣвъ Петра, бросилась къ нему и стала ласкаться. Петръ сейчасъ же увидѣлъ челобитную за ошейникомъ, взялъ, прочиталъ, засмѣялся и сказалъ: „Хотя указомъ запрещено съ челобитными ко мнѣ обращаться, но ужъ такъ и быть первую челобитную отъ тебя я приму, Лизетта“. Онъ былъ въ хорошемъ расположенiи духа, послалъ денщика въ крѣпость и велѣлъ арестованнаго освободить.

Другая Лизетта, — большая, — была лошадь Петра Великаго, которая, — говорится въ „Кабинетѣ“, — „такъ, какъ и Букефалъ побѣдителя Азiи, останется навсегда въ незабвенной памяти у потомковъ“. Дѣло въ томъ, что эта лошадь участвовала вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ въ полтавской битвѣ. Она — тонкая, невысокая, стройная и шерсть на ней бурая. Хвостъ былъ обрѣзанъ. Чапракъ во время полтавскаго боя былъ изъ темнозеленаго бархата съ узорчатой золотою бахромой. Сдѣло было тоже убрано темнозеленымъ бархатомъ съ золотомъ, а стремена желѣзные и сдѣла висѣли на полфута отъ земли, — такъ въ ростъ былъ Петръ. Лизетта носила женское имя, но это былъ жеребецъ персидской породы. Съ нимъ Петръ не разставался въ походахъ. Онъ приобрѣлъ его за сто голландскихъ червонцевъ еще въ Ригѣ отъ маркизантавъ, бралъ Лизетту съ собою на Прутъ, и эта же лошадь сдѣлала съ нимъ персидскiй походъ. Эта Лизетта, — хотя вѣрнѣе было бы сказать этого Лизетта, — обладала способностью пробѣгать въ день 150 верстъ „безъ всякаго притома себѣ вреда и надсады“. Въ „Кабинетѣ“ о Лизеттѣ рассказываются цѣлыя чудеса: „что будто бы она толико была привычна къ государю, что, не видя его долго, вырывалась изъ стойла и, бѣгая по лагерю, не прежде успокоивалась, пока не найдеть своего великаго всадника. Когда подводили ее къ государю совсѣмъ уже осбдланную и онъ, раздумавъ вдругъ ѣхать, отсылалъ ее обратно въ конюшню, то она, какъ бы будучи обижена, посылала внизъ голову и казалась печальною до такой степени, что слезы изъ глазъ ея выкатывались. Когда государь кушалъ въ своей ставкѣ или у кого нибудь изъ генераловъ со своими офицерами, она, увидѣвши его, входила въ ту ставку и принимала все, что ей со стола ить и ѣсть ни подаваемо было. Ежели государю случалось ѣхать черезъ какой нибудь ровъ или каналъ, гдѣ не было мѣста, онъ приказывалъ бросать перекладину, по которой сiя лошадь, хотя бы она перекладина не шире была ея копыта, переходила съ удивительнымъ проворствомъ и равновѣсiемъ“.

Кстати ужъ о животныхъ Петра. У него была еще собака Тиранъ, кобель датской породы. Онъ дѣлалъ съ Петромъ походы и зналъ въ лицо нѣкоторыхъ вельможъ „столь твердо,

что при отлучкѣ служителей нашивалъ иногда къ нимъ письма и отъ нихъ обратно приносилъ на оныя отвѣты“. Впрочемъ, Тиранъ не говорилъ.

А былъ у Петра попугай, зеленый, гвинейскiй, и висѣлъ въ гостиной Катеньки. Въ этой гостиной Петръ совѣщался нѣсколько разъ съ Меншиковымъ по окончанiи шведской войны о персидскомъ походѣ и говорилъ громкимъ голосомъ: „Въ Персiю пойдѣмъ“. Затѣмъ онъ приказалъ Меншикову о персидскомъ походѣ крѣпко-накрѣпко молчать. И вдругъ черезъ нѣсколько дней, увидѣвъ вѣдошаго денщика и спросивъ у него: „Ну, что новаго?“ — Петръ услышалъ отвѣтъ: „Говорятъ, въ Персiю пойдѣмъ“. — „Какъ въ Персiю пойдѣмъ!“ — закричалъ Петръ съ гнѣвомъ. — „Признайся сейчасъ, отъ кого ты слышалъ?“ Денщикъ улыбнулся: „Отъ попугая ея Величества. А другихъ новостей не знаю“. — „Да не можетъ быть!“ — вскричалъ Петръ. — „Вотъ птица!“ Онъ приказалъ позвать князя Меншикова и пошелъ съ нимъ на половину Катеньки. „Въ самомъ дѣлѣ вы никому не говорили?“ — обратился онъ къ Меншикову и къ женѣ. „Никому рѣшительно ни слова“ — стали клясться Меншиковъ и царица. „Тогда отгадайте, кто измѣнникъ. Вотъ сидитъ измѣнникъ!“ — указавъ на птицу, заключилъ Петръ и велѣлъ вывести болтуна изъ гостиной, чтобы не было „измѣнниковъ и переносчиковъ“ при немъ и при государынѣ.

Макс: мѣ Бюлиньскiй.

Дѣти, отправленные багажомъ.

Сѣверно-Американская желѣзно-дорожная компанiя „Wells Fargo Express Co.“ недавно отправила двухъ мальчиковъ, 10-лѣтняго Эллiота Уйдебка и его 2-лѣтняго младшаго брата Генри багажомъ изъ Калифорнiи въ Нью-Йоркъ. На платѣхъ мальчютокъ были нашиты адреса, и дѣти

